

УДК 392 (571.150) + 069

ББК 63.529 (253) + 79.1

Этнографическое изучение народов Сибири и практика музейной работы в научном наследии П.И. Каралькина

И.И. Назаров

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Ethnographic Research of the People of Siberia and Practice of Museum Work in the Scientific Heritage of P.I. Karalkin

I.I. Nazarov

Altai State University (Barnaul, Russia)

К наименее разработанным темам в истории отечественной этнологии относится период становления советской этнографической школы, а также вопросы изучения и развития языков народов Сибири в 1920–1930-е гг. Обращение к архивам исследователей, занимавшихся решением этих проблем, помогает понять особенности происходивших в то время процессов модернизации образа жизни аборигенов Сибири. Уникальные сведения о системе подготовке научно-педагогических кадров из числа малочисленных народов Сибири, об этнографическом изучении районов Южной Сибири и развитии музейного дела содержатся в материалах П.И. Каралькина. Значительная часть научного наследия ученого еще не введена в научный оборот. В статье публикуются воспоминания ученого, хранящиеся в архиве Красногорского районного музея Алтайского края. Содержащиеся там сведения повествуют о формировании системы подготовки специалистов для этнографической работы, изучении традиционного образа жизни народов Сибири, разработке национальных букварей, создании музея в Абакане. Также приводятся уникальные сведения о религиозных представлениях и обрядах кумандинцев.

Ключевые слова: П.И. Каралькин, Алтай, архивные материалы, этнографическое изучение, музееведение, национальные языки, материальная культура, кумандинцы, шаманизм.

DOI 10.14258/izvasu(2018)2-22

В январе 2018 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Петра Ивановича Каралькина — этнографа, музееведа, знатока творчества художника Г.И. Гуркина. Юбилейная дата является, на наш взгляд, хорошим поводом обратиться к научному наследию П.И. Каралькина, которое после смер-

The period of formation of the Soviet ethnographic school and the questions of studying and development of languages of the people of Siberia in 1920–1930 is one of the least developed subjects in the history of Russian ethnology. The appeal to archives of the researchers who were engaged in the solution of these problems helps to understand features of the processes of modernization of a lifestyle of natives of Siberia. P.I. Karalkin's materials contain unique data on the system of training of research and educational personnel from the small nationalities of Siberia; ethnographic studying of Southern Siberia areas and development of museum studies. A considerable part of scientific heritage of the scientist had not been introduced into scientific circulation yet. The article presents the memoirs of the scientist which are stored in the archive of the Krasnogorsk regional museum of the Altai Territory. The data inform on the formation of system of training specialists for ethnographic work; studying of a traditional way of life of Siberian people; development of national ABC-books and creation of the museum in Abakan. The article provides unique data on religious representations and ceremonies of the Kumandins.

Key words: P.I. Karalkin, Altai, archival materials, ethnographic studying, museology, national languages, material culture, Kumandins, Shamanism.

ти ученого оказалось рассредоточенным по архивам разных учреждений и в научных исследованиях в полной мере еще не задействовано.

Встречающиеся в публикациях биографические данные о П.И. Каралькине крайне скупы и страдают фрагментарностью. В этой связи настоящая

публикация имеет своей целью введение в научный оборот ранее не публиковавшихся сведений о П.И. Каралькине и его научном наследии.

Биография П.И. Каралькина и анализ его вклада в этнографическое изучение народов Сибири представлены нами в отдельных публикациях [1, 2]. В специальной работе нами систематизированы научные публикации П.И. Каралькина и составлена полная библиография его трудов [3]. Отдельные сюжеты из научного творчества Петра Ивановича, в том числе связанные с его этнографической, музееведческой и искусствоведческой деятельностью, содержатся в публикациях исследователей: И.К. Галкиной [4], С.В. Дыкова [5], Б.Х. Кадикова [6], М.Г. Левина [7], Л.Н. Молотовой [8], Л.П. Потапова [9, 10], С.И. Пустогачевой [11], С.В. Романовой [12], Э. Севостьяновой [13], Т.В. Трояновской [14], Д.А. Функа [15, 16], а также в музейных изданиях [17, с. 198].

Петр Иванович Каралькин родился 25 января 1908 г. в кумандинской семье в аиле Елтош Нижне-Кумандинской волости Бийского уезда. Сегодня это территория Красногорского района Алтайского края. Детские и юношеские годы П.И. Каралькина прошли среди кумандинцев. Это определило знание им родного языка, а также традиционного уклада жизни аборигенного населения Алтая. Личные качества Каралькина: ответственность, усердие, мобилизация всех сил для выполнения поставленных задач заметно выделяли его среди местной кумандинской и русской молодежи. Районное руководство уже в 1927 г. назначает Каралькина председателем Елтошинского сельсовета, затем делегирует его на окружные и краевые съезды Советов и, наконец, направляет на учебу на рабфак Томского университета. После рабфака П.И. Каралькин поступает в Институт народов Севера в Ленинграде.

Закончив обучение, он получил диплом преподавателя русского языка и литературы в национальных учебных заведениях, а также специалиста по вопросам письменности малых народов Сибири. После учебы Петра Ивановича направили в распоряжение Западно-Сибирского крайисполкома, где он получил должность инструктора отдела национальностей. В 1934–1936 гг. Каралькин принимал участие в разработке алфавитов и букварей для групп коренного населения Алтая.

В 1936 г. П.И. Каралькин вернулся в Ленинград и поступил в аспирантуру. В 1939 г. Наркомпрос командировал его в Хакасию для организации в Абакане краеведческого музея, директором которого он являлся с августа 1939 по июнь 1941 г. Летом 1941 г. Каралькина призвали в Красную Армию. Службу он проходил на Дальнем Востоке. После войны он вернулся в Ленинград и стал сотрудником Государственного музея этнографии народов СССР.

За годы работы в музее Петр Иванович заведовал его архивом, руководил отделом этнографии народов Сибири и Дальнего Востока, являлся заместителем директора по научной работе.

Во время работы в Государственном музее этнографии народов СССР П.И. Каралькин занимался проблемами музееведения и этнографии народов Сибири. Был страстно увлечен творчеством Г.И. Гуркина, собирал его картины и рисунки, писал об этом художнике книгу. Он совершил более двух десятков экспедиций для сбора нового этнографического материала, проведения обследования слабо изученных территорий Сибири, способствовал пополнению фондов центральных этнографических музеев страны. Петр Иванович Каралькин скончался в 1990 г. в Ленинграде.

В Красногорском районном краеведческом музее в с. Красногорском Алтайского края хранится уникальный документ «Учёный из Елтоша (Интервью с этнографом народов Сибири Каралькиным Петром Ивановичем)» [18]. Интервью было записано Леонидом Демьяновичем Суртаевым, давним знакомым и земляком Каралькина. По-видимому, текст в музей попал от Суртаева. В конце документа имеется автограф Л.Д. Суртаева, рядом с которым стоит дата: 12.03.1986 г., а также указан его домашний адрес в Ленинграде.

Интервью содержит интересные факты из жизни ученого и сведения о его этнографической и музееведческой работе. Фрагменты этого интервью размещались ранее на страницах Красногорской районной газеты «Восход» [19] и в краеведческом издании «Красногорский район: история и культура» [20]. Полный текст этого документа, как нам известно, еще не публиковался и для широкого круга исследователей оставался неизвестным. Введение этого источника в научный оборот дополняет представления об особенностях становления советской этнографической школы, о специфике полевой этнографической работы, а также уточняет нюансы работы по подготовке кумандинского букваря и историю создания музейных учреждений в Сибири. Особо ценны и содержащиеся в упомянутом тексте уникальные сведения о традиционных религиозных представлениях и обрядах кумандинцев.

Ниже приводится полный текст интервью, который в оригинале представлен на семи машинописных листах, на отдельных страницах которых содержатся рукописные вставки. В приводимом ниже тексте сохранена авторская стилистика, в некоторых случаях устранены орфографические и пунктуационные ошибки.

Интервью начинается со следующего пояснения Л.Д. Суртаева: «Это наша встреча, Пётр Иванович, вторая. Второе интервью. Мне помнится в первой встрече мы касались Вашей деятельности в 20-е годы

по советскому строительству в Старо-Бардинском районе, а точнее, в Елтошинском сельском совете» [18, с. 1]. Текст первого интервью нами пока не обнаружен. Однако можно предположить, что в первом интервью могут содержаться сведения из детства и юношества П.И. Каралькина, аналогичные тем фактам, которые сообщаются им в его письмах сотрудникам Красногорского районного музея [21]. Обнаружение и введение в оборот этих материалов позволило бы существенно дополнить представления об образе жизни кумандинцев в начале XX в. Вернемся, однако, к тексту второго интервью.

«Вопрос: Как Вы стали музейным работником? Что повлияло на Ваш выбор профессии?

[Ответ:] В этой нашей встрече, пожалуй, разговор пойдёт о моей профессии этнографа, музейного работника. В первом случае могу сказать, что я этнограф врождённый, владеющий родным языком (кумандинским), знающим быт, жизнь и культуру нам родственных народов! Случилось так, что, являясь студентом Томского рабфака (с 1927 г. по 1931 г.), я учился и близко общался с ровесниками из Хакасии, Горной Шории, Горного Алтая, Карагасии, Тувы. Затем после рабфака в 1936 г. я поступил в Ленинградский институт народов Севера при ВЦИК СССР. В названном Институте обучались студенты от 27 народов и народностей Севера, Дальнего Востока и Сибири. Многие из нас слабо владели русским языком, плохо воспринимали город, городскую жизнь. Многие не смогли быстро перейти от традиционной пищи, не могли быстро привыкнуть к ленинградскому климату, заболели туберкулезом и возвращались к себе, скажем, на Север.

Я жил в комнате с чукчами. Мы друг другу рассказывали о своем крае и жизни. В Институте народов Севера (ИНС) часто выступал с лекциями известный Этнограф [именно так, с большой буквы! — *И.Н.*] В.Г. Богораз. Он не только говорил о жизни того или иного народа, но обращал наше внимание на методику изучения в полевых условиях быта и нравов народа. Говорил он о сравнительном методе в этнографическом исследовании. В самом деле, будучи в составе этнографических экспедиций или в одиночных поездках я успешно пользовался этим методом. Опыт показал важность знания языка изучаемого народа. Мне пришлось осваивать хакасский и тувинский языки. Знание языка сближало в уяснении [так в тексте. — *И.Н.*] иногда малоизвестных вопросов из прошлого и современности. Например, мне удалось положить конец одному заблуждению. Речь идёт о переносном жилище у кочевников-скотоводов, оленеводов — о войлочной меховой юрте, чуме. Во время поездок по Горно-Алтайской, Хакасской автономным областям, Тувинской автономной республике я наблюдал полное игнорирование традици-

онных войлочных юрт, их считали как пережиток прошлой отсталой жизни. Местные руководители взамен юрт предлагали палатки или строили землянки в местах пастбищ для чабанов. Больше того, в местной и центральной печати появились статьи, компрометирующие юрты, что они дымные, действуют плохо на зрение (заболевание трахомой), что у жителей юрт болят ноги и спины из-за того, что в них жителям приходится передвигаться согнувшись, что на них затрачиваются дорогостоящие материалы шерсть, шкуры и прочее...

Во время экспедиции мне удалось выяснить, что переносная юрта для чабанов крайне необходима, пока существует отгонное скотоводство. Что это не признак отсталости, не пережитки феодализма. Мной была опубликована статья под названием «Жилище Западной Тувы» (Труды комплексной археолого-этнографической Тувинской экспедиции 1955–1960 г., том I) [22]. Ряд ученых Института этнографии АН СССР дали положительный отзыв. Но главное, статья нашла положительный отклик у руководителей колхозов, совхозов и чабанов Казахской, Киргизской ССР, где стали пользоваться традиционным переносным жилищем-юртой. Она удобна в любое время года.

В 1964 г. в Москве состоялся VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, на котором я выступал с докладом об использовании этнографических коллекций в качестве источника в научно-исследовательской работе (см. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Москва: Наука, 1971. Т. II) [23]. Ленинградский Музей этнографии народов СССР принимал участников этого конгресса из 60 стран. В числе сотрудников музея мне пришлось вести экскурсии по народам Сибири, вести консультации по экспозициям. В числе посетителей, помню хорошо, был крупный ученый, путешественник — Тур Хейердал.

Вопрос: Когда Вы стали музейным работником?

Ответ: А было это так. Я работал научным сотрудником отдела Сибири Государственного музея этнографии народов СССР у профессора Л.П. Потапова. В это время встал вопрос об организации краеведческого музея в Абакане (Хакасская автономная область). Моя кандидатура получила положительную оценку, и меня направили туда. Приехав в Абакан, я застал музей в неприглядном деревянном помещении. Неудобен. И ко всему еще не соответствовал требованиям противопожарной безопасности. Он мог возгореться [так в тексте. — *И.Н.*] в любую минуту, и спасти его было бы невозможно. Для размещения экспонатов не хватало места. Негде было хранить фонды. Хранились они в деревянной юрте. А там пыль и грязь. Я поставил вопрос перед советскими органами Абакана о невозможности разво-

рачивания музея в таких условиях. Для этого мне пришлось затратить много сил и энергии, чтобы добиться выделения под музей каменного здания, отвечающего требованиям противопожарной безопасности и сохранности экспонатов. Облисполком Хакасской автономной области вынес решение о выделении помещения для краеведческого музея во Дворце культуры. Музей был создан к 10-летию Хакасской автономной области.

В ходе строительства музея, исследовательской работы я понял, что надо учиться. И я решил поехать снова в Ленинград, продолжить учебу. Но помешала война.

Вопрос: Вы как этнограф народов Сибири много уделяли внимания народам и народностям Алтае-Саянского нагорья. Какие народы раньше жили в Красногорском районе? Расскажите о языке кумандинцев, живущих сейчас в Красногорском районе.

Ответ: В начале 30-х мне пришлось заниматься в комитете нового алфавита для алтайцев. Этот комитет занимался унификацией языка, приемлемого для ряда народностей Горного Алтая. Я выезжал в Горную Шорию, Горный Алтай, участвовал в создании письменности у шорцев и у горноалтайцев. У этих народностей основа языка была древнетюркская. Отличались диалектами. Надо было из всех диалектов выбрать один, наиболее подходящий для этого. Выбрали диалект алтай-кижи. На нем разговаривали в основном в Онгудайском аймаке (районе). Так случилось исторически, что диалект алтай-кижи взяли за основу алтайского языка. Все печатные публикации пошли на этом языке. Я считаю это неправильным, оставляя диалекты другие за бортом.

Я занимался в 1934–1936 гг. кумандинским диалектом, кумандинским букварем. Первый кумандинский букварь был разработан под руководством Филатова в 1934 г. на латинском алфавите [24]. Я был направлен в Солтонский и Старо-Бардинский [современный Красногорский район Алтайского края. — *И.Н.*] районы для проверки кумандинского словаря на местах. Осенью 1934 г. я выступил на конференции в Старой Барде [сегодня это с. Красногорское. — *И.Н.*], где заявил о своем несогласии, что за основу алтайского языка взяли диалект алтай-кижи. Высказался за отказ от латинизированного алфавита. Почему? А потому, что была сложность: дети не знали латинского алфавита. Нужно было сначала изучить латинский алфавит, потом изучить русский, уже только после этого, скажем, кумандинский. Это все усложняло познание основ родного языка. Даже русские миссионеры XVIII–XIX вв. делали правильно, создавали алфавит на русской основе. А здесь налицо неправильный выбор — только потому, что тюркские народности имели письменность на латинизированном алфавите. Раньше

у алтайского народа не было своей письменности, и неправильно создавать алтайский букварь на латинизированной основе. Об этом я сказал на конференции. На Старо-Бардинской конференции было решено в будущем откорректировать букварь, разработать такой алтайский язык, который бы отвечал большинству племён (сеоков) Горного Алтая, создать алфавит на русской основе.

Теперь о народе, живущем в Красногорском районе. Здесь живут кумандинцы [Каралькин посвятил им специальную публикацию [25]. — *И.Н.*]. Это народность, близкая по языку к алтайцам. Предками кумандинцев являются телеуты. Они жили двумя большими улусами — кочевьями, размещались на территории, где текут реки Бия, Лебедь, Иша. В XVII в. великие князья этих двух улусов попросились войти в Россию, так как китайцы и монголы пытались их захватить. С 1756 года Горный Алтай входит в состав России. Это было добровольное вхождение.

Вопрос: Где Вам, Пётр Иванович, пришлось воевать? В каком качестве? Где для Вас закончилась война?

Ответ: Воевал в Маньчжурии. Был заместителем по политической части командира отряда. У нас в отряде служили буряты, монголы, корейцы и китайцы. Я продолжал изучать быт и нравы этих народов. Мои этнографические знания помогали мне правильно воспитывать подчиненных разных народов.

Война для меня закончилась победой над милитаристской Японией. Я интернационалист. Еще тогда, в 1945 г. я осознал, что бороться за мир — это задача всех народов. Бороться за то, чтобы никогда не было войн.

Вопрос: Ваша дальнейшая деятельность как этнографа?

Ответ: После увольнения в запас я сразу же решил продолжить занятия по изучению этнографии народов Сибири. В 1949 г. я снова в Ленинграде, в Государственном музее этнографии народов СССР, утвержден на должность учёного секретаря. Стал музейным работником. В работе в этом качестве пришлось заниматься фундаментальными вопросами этнографии. Мне пришлось побывать в Туве, Хакасии. Как этнограф я изучал быт и нравы соседних народностей с Горным Алтаем. Это мне позволило в музее открыть новые экспозиции, этнографические экспонаты народов СССР. Но меня больше влекла история народов Сибири, Алтайского края. Совершил экспедиции по Горному Алтаю (1951 г., 1957 г.), в Туву (1955–1961 гг.).

Меня интересовало, какие изменения произошли в хозяйственно-культурной жизни народов этого региона. А перемены были: изменилось само ведение хозяйства, стала больше использоваться техника, усилилось строительство на селе, ширилась электрификация этих районов нашей страны. Наряду с этим

укреплялись традиционные способы ведения хозяйства: скотоводство (разведение овец, лошадей, крупного рогатого скота), культивировалось отгонное скотоводство.

Традиционные способы ведения хозяйства укреплялись и в Горном Алтае. Это меня радовало. Войлочные юрты и здесь находили себе место, так как поролоновые палатки снижали жизнестойкость чабанов (на улице холодно — в палатке тоже холодно; на улице жара — в палатке тоже жарко).

Жизнь брала верх, требовались войлочные юрты для чабанов. И они входили в обиход снова. Пока будет в Горном Алтае отгонное скотоводство, до тех пор будет нужна войлочная юрта, очень легко снимаемая при перемещении стада, при смене пастбища. Производство мяса, молока, кожи, шерсти — это традиционное занятие горноалтайцев.

Вопрос: Вы много внимания уделяли шаманизму. Познакомте, пожалуйста, с шаманизмом хотя бы кратко.

Ответ: Я много внимания уделял шаманизму. До революции у народов Сибири: у якутов, хакасов, тувинцев, алтайцев и др. процветала религия — шаманизм. Из детства запомнилось камлание шамана. И ещё я запомнил удавление [так в тексте. — *И.Н.*] шамана из нашей деревни (Елтоша) из-за того, что он не справился со «злыми духами» — повесился... Вообще о шаманах написано много. В основном правильно дается трактовка шаманства как определенной религиозной системы, отмершей у народов Сибири после победы социализма в нашей стране.

Ошибочно раньше считали, что шаманство — это форма первобытной религии. Последние исследования показали, что это не так. Шаманство — форма религии, переходная от первобытной к политеистической. Возникла на базе дошаманских культов и представляет новый этап в эволюции религии.

У кумандинцев тоже были шаманы, были камлания. Мне всегда хотелось выяснить не только общее у них, но и выяснить цели и задачи, стоящие перед шаманом, скажем, при исцелении больно-

го. Меня интересовало: каким образом шаман добивался доверия у верующих? Я, зная язык любого племени (сеока) в Горном Алтае, был вхож к шаману. Это было 20–30-х гг. Они еще кое-где в эти годы были. Шаманы считали себя представителями Ульгеня (верхнего божества) на земле и вселяли в души верующих: всем руководит на земле Ульген, он утверждает на земле существование всевышнего духа, без которого нельзя жить. При камлании шаман ведет психологическую обработку верующих. Интересен у кумандинцев обряд «Кочо». Этот обряд был связан с жертвоприношением рыжей необъезженной лошади, или каурой, в общем, темной масти. Лошадь убивалась удушием [так в тексте. — *И.Н.*] (еще древнегреческий ученый Геродот описывал жертвоприношения у скифов тоже через удушие). Я считаю, что это ведется издалека. Это охотничий прием. К жертве, приносящейся в жертву Ульгеню, не должны касаться руки человека. Лошадь душится петлей. При обряде читается «слово-пожелание». Обряд «Кочо» — это родовой праздник. То есть в нем принимали участие только члены одного рода (сеока). «Кочо» — это праздник укрепления и увеличения рода (сеока)».

Интервью заканчивается следующей фразой Каралькина: «Только строго научный подход к вопросам шаманизма позволит выработать правильную атеистическую пропаганду» [18, с. 7]. Выбивающаяся из общего повествования фраза производит впечатление о незавершенности интервью, которое по какой-то причине неожиданно прервалось. Отмеченная выше раздробленность и труднодоступность отдельных частей архива П.И. Каралькина не позволяет пока установить: было ли публикуемое выше интервью последним или же Каралькин с Суртаевым осуществили целый цикл подобных записей воспоминаний. Дальнейший поиск и изучение архивных материалов П.И. Каралькина позволит выявить и ввести в оборот ценные источники по традиционной культуре коренного населения Сибири.

Библиографический список

1. Назаров И. Кумандинец Каралькин // Свободный курс. — 2000. — 23 ноября.
2. Назаров И.И. Петр Иванович Каралькин и его вклад в изучение народов Сибири // Краеведческие записки: — Вып. 8. — Барнаул, 2009.
3. Назаров И.И. 110 лет со дня рождения этнографа, музееведа П.И. Каралькина (1908–1990) // Алтайский край, 2018 г.: календарь знаменательных и памятных дат. — Барнаул, 2017.

4. Галкина И.К. Роль П.И. Каралькина в изучении творчества Г.И. Гуркина // Вторые искусствоведческие Снитковские чтения. — Барнаул, 2007.
5. Дыков С.В. Орнамент кумандинцев (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции П.И. Каралькина) // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации : сборник материалов II Международной научной-практ. конф. — Барнаул, 2016.

6. Кадиков Б.Х. Зал истории, быта и культуры кумандинцев Бийского краеведческого музея // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1998.
7. Левин М.Г. Полевые исследования Института этнографии в 1953 г. // Советская этнография. — 1953. — № 2.
8. Мологова Л.Н. Всесоюзная научная сессия «Актуальные вопросы этнографии и этнографического музееведения» // Советская этнография. — 1982. — № 3.
9. Потапов Л.П. Некоторые итоги работ тувинской экспедиции // Советская этнография. — 1959. — № 5.
10. Потапов Л.П. Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция // Советская этнография. — 1958. — № 5.
11. Пустогачева С.И. Жизнь и творчество Г.И. Гуркина в архиве П.И. Каралькина // Горный Алтай и Россия: 240 лет. — Горно-Алтайск, 1996.
12. Романова С.В. Коллекции П.И. Каралькина в собрании РЭМ // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. — СПб., 2008.
13. Севастьянова Э. У истоков // Советская Хакасия. — 1982. — 4 марта.
14. Трояновская Т.В. П.И. Каралькин и его книжное собрание в библиотеке Государственного художественного музея Алтайского края // Личные книжные собрания в библиотеках Алтайского края: материалы науч.-практ. конф. — Барнаул, 2008.
15. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. — М., 2005.
16. Функ Д.А. Тувинский шаман Шончур Тожу и его бубен (по материалам П.И. Каралькина) // Acta Ethnographica Hungarica. № 48. — Budapest, 2003.
17. Российский этнографический музей, 1902–2002. — СПб., 2001.
18. Архив Красногорского районного краеведческого музея. Копия машинописного текста «Ученый из Елтоша» (интервью с этнографом народов Сибири Каралькиным Петром Ивановичем). Записал Леонид Суртаев. На семи листах. Дата с автографом Суртаева: 12.03.86.
19. Ученый из Елтоша // Восход (Красногорский район Алтайского края). — 1999. — 27 окт.
20. Иванова О. Ученый из Елтоша // Красногорский район: история и современность. — Барнаул, 2008.
21. Архив Красногорского районного краеведческого музея. Оригиналы писем П.И. Каралькина — сотрудникам этого музея, датированные: 17.03.1979, 11.03.1980, 17.3.1982, 2.06.1982, 3.12.1982, 30.10.1984, 18.12.1984, 3.12.1987.
22. Каралькин П.И. Жилище в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1955–1956 гг. — М.; Л., 1960. — Т. I.
23. Использование этнографических коллекций как источника в научно-исследовательской работе: (Из опыта Гос. музея этнографии народов СССР) / П. И. Каралькин, Т. А. Крюкова, З. Б. Предтеченская. — М., 1964.
24. Kalanakov N.F., Filatov K.J. Kumandь Bukvar. — Novosibirsk, 1933.
25. Каралькин П.И. Кумандинцы (по материалам Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР) // Краткие сообщения Института этнографии. — М., 1953. — Т. XVIII.